

передать Коковцову – это тот энтузиазм, который вдохновлял их 1850–1860-х гг. К концу 1870-х гг. от былого оптимизма не осталось и следа. После душераздирающей сцены при посещении одной из тюрем Грот со слезами на глазах сокрушался о том, что ставит Коковцова с молодых лет «на эту дорогу горя, страданий и несчастья, на которой можно, однако, сделать столько доброго, хорошего и полезного и для тех, кто виноват, и для самого государства» (с. 237–238). Ведению финансовых дел, с которыми будущий министр познакомился уже в генеральских чинах и в зрелом возрасте, его обучал другой видный либеральный сановник 1860-х гг. – Д.М. Сольский. Именно его поддержка во многом обеспечила успехи Коковцова на посту товарища министра финансов в 1896–1902 гг. и назначение министром в феврале 1904 г. (с. 252–253).

В «Обрывках воспоминаний» В.Н. Коковцов практически ничего не пишет о событиях государственной важности, в которых ему довелось участвовать в конце XIX в. И тем не менее они исключительно важны для понимания политической истории России, поскольку со свойственной их автору обстоятельностью передают условия, в которых складывалось мировосприятие старшего поколения сановников, управлявших империей непосредственно перед её гибелью. В них отразился образ «отечества», к которому возвращались те из них, кому довелось пережить его катастрофу. Сохранение и осмысление этого образа создаёт своеобразный мост над пропастью, связующий порвавшуюся нить времени. И хочется надеяться, что Дом русского зарубежья и в дальнейшем будет укреплять

эту связь, издавая в России мемуарные памятники, публиковавшиеся в эмиграции или до сих пор хранящиеся за границей в архивах.

А.В. Мамонов

Примечания

¹ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. Т. 1–2. Париж, 1933; *Out of my past. The memoirs of Count Kokovtsov.* Standford; L., 1935; *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1911–1919. М., 1991; *он же.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. Кн. 1–2. М., 1992; *он же.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. Минск, 2004.

² Об их воспоминаниях подробнее см.: *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* С.Ю. Витте – мемуарист. СПб., 1994; *Андреев Д.А., Гайда Ф.А.* В.И. Гурко и его воспоминания // *Отечественная история.* 2002. № 6.

³ О В.Н. Коковцове см.: *Бовыкин В.И.* Введение // *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого... Кн. 1. М., 1992. С. 5–21; *Векишина Ю.А.* Граф В.Н. Коковцов – государственный деятель Российской империи. СПб., 2008.

⁴ *Lieven D.C.B.* Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven; L., 1989. P. 91, 113–114, 118.

⁵ *Коковцов В.Н.* Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры // *Некрасов С.М.* «Куда бы нас ни бросила судьбина...». Выпускники императорского Александровского лицея в эмиграции. М., 2007. С. 125–159. См. также: Императорский лицей в памяти его питомцев: Александровский Лицей (1844–1919). СПб., 2011. С. 251–289.

⁶ *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2002. С. 338.

⁷ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого... Кн. 2. М., 1992. С. 281.

Ю.А. Борисёнок. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М.: Родина МЕДИА, 2013. 352 с.

Главный редактор журнала «Родина», доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук Ю.А. Борисёнок написал

глубокое и оригинальное исследование, проанализировав обширный и ранее неизвестный фактический материал. Помимо введения, трёх глав и заключения

в отдельном разделе его монографии впервые публикуются 15 документов из центральных государственных архивов, в которых содержится важная информация о политических процессах, происходивших на белорусских землях в 1920–1940 гг. (с. 202–336). Во введении, названном «Полоцк и Минск между Москвой и Варшавой. Вести с исхоженных тропок и напаханных полей исторической науки», автор скрупулезно рассмотрел труды российских, польских и белорусских учёных по изучаемой теме, дав взвешенные и объективные оценки достижениям и ошибкам коллег (с. 4–35). Здесь же Ю.А. Борисёнок указывает главную цель своей работы, состоящую в том, чтобы «выявить, оттенить и уточнить причины, ход и результаты масштабных государствообразующих и нациетворческих процессов, развернувшихся на пространстве этнического расселения белорусов и приведших в XX веке к появлению здесь государственности в советской форме, дополненной с 1945 года статусом члена ООН, а с 1991 года – и в современной форме» (с. 7).

Решая данную задачу, автор впервые в отечественной историографии комплексно и обстоятельно освещает развитие белорусского общества и формирование белорусских государственных структур в условиях давнего и острого противостояния России, а затем СССР с Польшей. По его словам, «для постижения тех процессов, что происходили на белорусских землях в первой половине XX столетия, имеет принципиальное значение представление о том, что вся территория “белорусского племени” и к началу позапрошлого столетия уже несколько веков представляла собой “большое пограничье” между Россией и Польшей в географическом, этнокультурном и ментальном отношениях». Между тем «в политическом плане всё это пространство с 1795 года принадлежало Российской империи и оставалось в значительной мере неструктурированным» (с. 36). Ю.А. Борисёнок справедливо отмечает то, что создание белорусского независимого государства не входило в планы ни Москвы, ни Варшавы. Более того, «к моменту больших политических перемен

в Европе, окончания Первой мировой войны и распада Российской империи белорусы пришли с крайне рискованным багажом: национальный язык находился под реальной угрозой исчезновения, национальной элиты не было» (с. 92).

Детально воссоздавая столкновение разных взглядов на будущее Белоруссии в руководстве большевистской партии, автор констатирует, что в начале 1919 г. «возобладала точка зрения Свердлова и Иоффе, с которой принуждён был согласиться и Сталин», а «их позиция не оставляла места ни Беларуси как территориальному образованию, ни белорусам как народу – лишь временно» (с. 97). При этом экспертизу белорусского вопроса в обход отправившегося на Восточный фронт Сталина проводило некое особое совещание, созданное в соответствии с постановлением ВЦИК при... Наркомате государственного контроля РСФСР. В январе 1919 г. соратники Я.М. Свердлова, полагавшего, что «для создания независимой от России Белоруссии оснований не имеется», благополучно похоронили новорождённую Белорусскую советскую республику, провозглашённую 1 января того же года (с. 156).

Однако последующие события, и прежде всего ход и результаты советско-польской войны 1920 г., заставили советское руководство осуществить «крутой поворот» проводившегося в Белоруссии политического курса. «Мы должны идти навстречу самостийному течению в Белоруссии, – говорил 30 декабря 1920 г. нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин, – так как в противном случае другие им овладеют» (с. 99). Под «другими» подразумевались стойко ненавидящие Россию польские правящие элиты. Впоследствии именно этим определялась политика советского руководства на «белорусском направлении». «Основа такой политики, – полагает Ю.А. Борисёнок, – таким образом находится именно в русле геополитической ситуации, сложившейся по окончании военных действий в Польше». «Стоит отметить, – добавляет автор, – что две достаточно распространённые в историографии точки зрения на белорусизацию – как на “конкретное воплощение национальной политики

Коммунистической партии и Советского государства” и о национальной интеллигенции как “инициаторах и авторах политики белорусизаций” – одинаково несостоятельны. Речь прежде всего шла о геополитическом эксперименте части советского руководства, а “самостийные течения”, как и на Украине, становились объектом большой игры на пограничье с Польшей, но закрывать глаза на их очевидную “небольшевистскую” и “непролетарскую” сущность власти собирались лишь на время, чётко определив им незавидную роль “расходных материалов”» (с. 99).

Главным идеологом и инициатором политики белорусизации стал И.В. Сталин. 10 марта 1921 г., завершая дискуссию по национальному вопросу на X съезде РКП(б), будущий «вождь народов» прямо заявил о том, что «существует белорусская национальность, у которой имеется свой язык, отличный от русского»¹. Именно благодаря Сталину, не хуже Чичерина понимавшему, что Польша никогда не откажется от надежды вернуть бывшие восточные окраины – «кресы всходне», «белорусская карта» была разыграна обстоятельно и масштабно, включая и ускоренную белорусизацию (с. 147). При этом прежде всего учитывались отношения со II Речью Посполитой.

19 сентября 1919 г. Ю. Пилсудский обещал в Минске, что «эта земля сама решит, как ей жить»², а однажды и вовсе изрёк: «Белорусскую политику пусть черти поберут» (с. 129). Однако эти слова, продиктованные внешнеполитической конъюнктурой, по сути, оказались циничной ложью, тогда как на деле, по признанию польской исследовательницы К. Гомулки, «толерантность и выполнение некоторых требований белорусов было переходным явлением и касалось лишь временного отрезка с августа по декабрь 1919 года»³.

Между тем уже 1 февраля 1920 г. в Вильно Пилсудский откровенно признался, что никаких уступок «в пользу белорусской фикции» делать не собирается (с. 160). Автономии для Белоруссии в составе II Речи Посполитой не предусматривалось. Впрочем, когда летом 1920 г. Красная Армия погнала поляков на запад, перепуганные представители

польской элиты⁴, включая премьер-министра Л. Скульского, вдруг заговорили о желательности белорусской государственности. Но после «чуда на Висле», как иронично подметил Ю.А. Борисёнок, «столь мрачные мысли политиков возрождённой Польши более не посещали» (с. 156).

В 1920–1930-х гг. Пилсудский и его окружение «строго придерживались именно государственного интереса, и проекты белорусизации на землях Западной Белоруссии были невозможны здесь в принципе», а «принятые под нажимом Лиги Наций законодательные акты о правах нацменьшинств и статья VII Рижского договора соблюдались в Польше примерно так же, как права сербов в современном Косово». «Уже в 1920 г., – пишет Борисёнок, – вступив на территорию Западной Белоруссии, польские власти закрыли большинство белорусских школ, открытых ещё при германской оккупации, в том числе прогимназию в Гродно, наглядные пособия перетащили в польские школы, а белорусских учителей подвергли физическому воздействию» (с. 129). При этом руководство II Речи Посполитой «искренне надеялось на то, что национальная политика большевиков, в особенности в украинском и белорусском вопросах, не выйдет за пределы формальных жестов, при которых украинизация и белорусизация в фактическом измерении были бы излишней тратой времени» (с. 132).

Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Кремль действовал в Белоруссии быстро и грамотно. Всего за 38 дней (с 31 мая по 7 июля 1923 г.), проведя 3 заседания, комиссия ЦК РКП(б) по работе среди белорусов Польши, состоявшая из Г.В. Чичерина, зампреда ОГПУ И.С. Уншлихта и возглавлявших её секретарей ЦК Я.Э. Рудзутака, а затем В.М. Молотова, разработала программу действий (с. 130–131). Пик белорусизации пришёлся на 1923–1926 гг. В марте 1924 г. в состав БССР были включены Витебская и Гомельская губернии, что более чем вдвое увеличило территорию – с 52,4 тыс. до 110 584 кв. км с населением 4,2 млн человек (с. 130). Однако, по мнению автора книги, «надменного польского соседа обыграли на белорусском примере комплексно, посему отрывать

вопрос границ от белорусизации школьного дела и амнистии неверно: эта задача была триединой и все её составные части были равно значимы и взаимозависимы» (с. 138–139).

Действительно, «проекты развития народного образования в БССР финансировались не то что не по остаточному принципу, а были главной расходной статьёй как общереспубликанского, так и местного бюджета... 27.5% общего республиканского бюджета в 1925/26 учебном году». «Именно солидной финансовой подпиткой всех структур белорусизации, в том числе и прообраза АН БССР Ин-белкульты», в монографии «объясняются очевидные успехи этой политики, особенно на фоне западнобелорусских реалий в межвоенной Польше» (с. 143–144). В числе тех, кто поднялся на первой волне белорусизации, оказались и будущие крупные советские и партийные деятели – А.А. Громыко, М.В. Зимянин, К.Т. Мазуров, П.М. Машеров и В.Ф. Шауро (с. 61, 164, 341). И «уже в сентябре 1927 года руководством БССР пришлось отчитываться в Москве по линии ЦИК СССР не о чём-нибудь, а об итогах белорусизации» (с. 26). К этому времени поляков в БССР насчитывалось 97 498 человек, или 1.96% населения республики, а численность белорусов достигла 89.3%, хотя не все они пользовались белорусским языком. Более того, «польскоязычные белорусы числом в несколько сотен тысяч человек превосходили числом этнических поляков». В дальнейшем эти «потенциальные поляки превратились в белорусов без особо насильственных действий, которыми сопровождалась обратная практика (превращение белорусов и так называемых тутэйших в поляков) во II Речи Посполитой». Нельзя не согласиться с тем, что «в контексте польской политики советской власти это был несомненный успех» (с. 144).

Даже начавшаяся вскоре после «белорусизации» борьба с «нацдемовщиной», «обернувшаяся помимо репрессий тотальным запретом на этнографические и краеведческие исследования», принципиально мало что меняла. Главное было сделано – произошла деполонизация населения советской республики, а для польских белорусов воссоединение

с восточными братьями становилось всё более притягательным. Неудивительно, что в сентябре 1939 г. «на креслах восточных» Красную армию встречали с цветами. «При этом, – обращает внимание Ю.А. Борисёнок, – стоит помнить и о том, что отдельные новации в жизни белорусского общества, связанные именно с белорусизацией (школьное обучение, массовый охват печатью и радио на белорусском языке, создание Академии наук БССР, музеев и других культурно-просветительных учреждений) при всех изменениях курса советских властей непрерывно и реально существовали вплоть до распада СССР в 1991 году» (с. 26).

Освещаются в книге и более частные, но не менее любопытные сюжеты. Например, возникновение мифов о В.К. Калиновском (с. 64–78) или судьба историка-слависта И.И. Костюшко, показанная на фоне масштабных изменений и катаклизмов советского времени (с. 56–64). В главе 3 («Юзеф Пилсудский, Адольф Иоффе и Иосиф Сталин – ударники перетягивания белорусских границ. Административно-государственные механизмы модернизации») приведен полный текст письма, направленного Сталину 21 ноября 1938 г. первым секретарем ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко, просившим санкции на арест Я. Купалы, Я. Коласа и других ещё не репрессированных белорусских советских писателей (с. 179–182). Своёобразным ответом на это письмо стало то, что Купала и Колас «не просто остались на свободе и в учебниках, но в 1939 г. получили с подачи Сталина по ордену Ленина» (с. 182).

В целом монография Ю.А. Борисёнка – ценное и актуальное исследование. Написанная в жанре увлекательного рассказа и отличаясь равнодушным, чётко сформулированным отношением к деятелям и событиям прошлого, она свидетельствует о широте научного кругозора автора и способна вызвать большой интерес не только у профессиональных историков, но и у журналистов, культурологов, политологов, политиков и иных читателей. Ведь многое в исследовании воспринимается как важный урок на будущее.

О.Г. Назаров

Примечания

¹ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 48.

² Цит. по: *Суля В.* Юзеф Пилсудский. М., 2009. С. 248–249.

³ Цит. по: *Шевченко К.В.* «Политика вредная и бессмысленная...»: западнобелорусская пресса о политике Польши в белорусском вопросе в 1920–1921 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XII. М., 2012. С. 289. Характерно, что с демагогическими заявлениями Пилсудский обращался и к западноевропейской аудитории. В феврале 1920 г., за два месяца до вторжения на Украину, говоря в интервью газете «L'Echo de Paris» о необходимости освобождения народов Украины, Белоруссии и Литвы от большевизма, он

провозгласил: «Мы на штыках несём этим несчастным странам безоговорочную свободу» (*Зубачевский В.А.* Взаимоотношения Польши, России и Германии в 1920 году // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 42).

⁴ Как вспоминал позднее Пилсудский, польская армия «почти без попыток вступить в бой неустанно отступала, набирая при этом такой темп, что через месяц оказалась у ворот столицы, расположенной примерно на расстоянии 600 километров в тылу». Генерал С. Шептицкий, судя по письму, написанному офицером его штаба Сламировским полковнику Пискору 6 июля 1920 г., после успешных атак войск М.Н. Тухачевского находился в крайне тяжёлом психическом состоянии и публично говорил: «Мы должны большевиков на коленях молить о мире» (*Суля В.* Указ. соч. С. 274–275).

Война и судьбы: общий контекст и частные сюжеты*

Несмотря на значительную традицию изучения истории Великой Отечественной войны, в многочисленных исследованиях последнего времени активно поднимаются новые проблемы и вводятся в оборот новые источники. Рецензируемый сборник статей может служить хорошим примером этой тенденции.

Статьи, объединённые в книге, тематически разделены на три раздела. К первому относятся исследования о ситуации в немецком тылу, Холокосте, оккупационной политике, коллаборационизме, партизанском движении. Так, С. Мэддокс (США) наполняет конкретным содержанием понятие «карательные отряды», выявляя источники их комплектования и мотивацию карателей. Роль женщин в деятельности ОУН и УПА рассматривает, применяя методы гендерной истории, О. Петренко (Германия). В статье Ц. Гительмана (США) говорится о белорусских евреях-партизанах и о распространённых в партизанском движении антисемитских настроениях. О массовом уничтожении военнопленных, главным

образом еврейской национальности, частями вермахта практически на месте пленения рассказывает Т. Пастушенко (Украина). О восприятии красноармейцами Холокоста в результате личного опыта и сквозь призму советской пропаганды пишет в своей статье А. Зельцер (Израиль). Концентрационные лагеря, расположенные на Украине, как часть общей лагерной системы рейха рассматривает С. Аристов (Россия). Массовый побег из «классического» концлагеря Маутхаузен и судьбу немногих выживших описывает М. Кальтенбруннер (Австрия).

Во втором разделе книги исследуются проблемы советского тыла. Его открывают размышления М. Дэвида-Фокса (США) о периоде войны как отдельном этапе эволюции сталинского режима. Свойственную ему централизованную систему распределения продуктов питания и дополнившие её нелегальные практики экономической активности рассматривает В. Голдман (США). В статье Д. Фильцера (Великобритания) собраны материалы о массовом голоде и борьбе за выживание

* СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм / Под ред. О.В. Будничкого (отв. ред. и сост.) и Л.Г. Новиковой. М.: РОССПЭН, 2014. 432 с. Книга подготовлена по материалам международной научной конференции «Вторая мировая война, нацистские преступления и Холокост на территории СССР», проведённой Международным центром истории и социологии Второй мировой войны НИУ «Высшая школа экономики» 7–9 декабря 2012 г. (URL: <http://hist.hse.ru/war/conference>).